Левин В. В.

Особенности судебной практики в России как основы прецедента

Levin V. V. Features of Judicial Practice in the Russia as the Basis of Precedent

Статья посвящена анализу судебной практики как основы правотворческой деятельности в Российской Федерации (РФ), на базе которой возможно создание прецедента. Прецедентное право в России носит рекомендательный характер и не является обязательным актом правоприменительной практики. Признаки прецедентного права отражены в мотивированной части решений судов в России, а также в определениях Конституционного Суда РФ и постановлениях Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ.

Ключевые слова: судебная практика, прецедент, правотворчество, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ, Европейский суд по правам человека.

The article is devoted to the analysis of judicial practice as the basis of law-making activity in the Russian Federation, on the basis of which it is possible to create a precedent. Case law in Russia is Advisory in nature and is not mandatory for law enforcement practice. Courts use the signs of case law in their decisions in the reasoned part. Signs of case law is a ruling of the constitutional court of the Russian Federation and regulations of the armed forces of the Russian Federation.

Keyword: judicial practice, precedent, law-making, the constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Arbitration court of the Russian Federation, European court of human rights.

Особенности и природа практики судебной деятельности всегда были в центре внимания ведущих юристов-правоведов. Большое количество аналитических суждений относительно судебной практики представлено уже в литературных источниках дореволюционного периода.

В трудах Д. Д. Грима содержатся высказывания о том, что практика судебной деятельности в итоге может привести к формированию совершенно новых правовых норм, исходя из того, что уже была прежде создана судебная правовая практика, которая толковала те или иные нормы, либо в силу авторитетности высшего суда, от которого практика исходит [1, с. 154]. В качестве самостоятельного источника права судебная практика признавалась Н. М. Коркуновым, считающим ее чем-то средним между обычаем и законом [2, с. 298].

Независимую оценку по вопросу судебной практики выражал Ю. С. Гамбаров, полагая, что практика судебной деятельности как источник права имеет своеобразную природу ввиду того, что лишена с формальной точки зрения статуса обязательности, однако все равно имеет возможность быть признанной в качестве таковой, в отличие от единичного судебного решения [3, с. 340].

Существовали и противоположные мнения. К примеру, Г. Ф. Шершеневич не относил судебную практику к источникам гражданского права и утверждал в

Левин Владимир Владимирович — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Левин В. В., 2020

своих трудах, что данная практика является ознакомительной и не является обязательной [4, с. 42]. Чрезвычайно интересным в данном аспекте выглядит анализ судебной практики в России со стороны В. Батлера. В своей статье «Роль прецедентного права в российской правовой системе» он заключает, что по сравнению с существующими правовыми системами, которые ориентируются на прецедентное право Англии, США, страны европейского региона, в России не сложилась такая практика ввиду отсутствия каких-либо предпосылок к этому [5, с. 337]. В свете предпосылок к созданию прецедента В. Батлер проводит анализ понятий образования и юридической профессиональной деятельности, которые в своей основе и формируют прецедентную правовую систему [5, с. 337].

Если провести анализ образования и юридической профессии в России, становится объяснимым, почему не сложились предпосылки к практике прецедента. Во-первых, образовательные ведущие организации появились только в 1755 г. в Москве и в 1802 г. в Санкт-Петербурге. Речь идет об университетах, в которых анализировали юридическую практику и готовили юристов. Система власти, т. е. управления, в Российской империи была отделена от исполнения судебных функций вплоть до 1864 г., хотя на тот момент институт профессиональной адвокатуры был уже сформирован. Кроме того, законы не публиковались в печати до 1649 г., а судебная практика не находила своего освещения до 1866 г. Только со второй половины XIX в. начали выходить в свет в печатных изданиях сборники постановлений департаментов Сената [6, с. 141–189]. Значит, если юридическая практика как основа прецедента не находила в публикациях своего освещения, значит, она и не имела значимой роли в деятельности юристов и судей [5, с. 337].

В эпоху СССР тематика судебной практики интересовала многих авторов, но ее содержание было направлено на прикладные аспекты и в большей мере в отраслевое русло [7]. К числу наиболее значимых трудов того времени можно отнести работы под редакцией С. Н. Братуся «Судебная практика в советской правовой системе» (1975) и «Судебная практика как источник права» (1997). Исходя из анализа трудов, посвященных проблематике судебной практики, несложно обнаружить различные мнения о ее интерпретации.

В одних исследованиях практику подразделяли на два подвида. К первому относили судебную деятельность, ко второму — результаты данной практики. Такое толкование можно встретить в трудах видного деятеля в сфере права С. С. Алексеева [8, с. 84]. Интерес представляют авторитетные мнения, которые трактуют судебную практику в широком и узком смыслах. В работах В. А. Туманова и Г. Т. Тшкелиадзе, в одном толковании, к судебной практике относилась вся совокупность деятельности судебных органов по различным направлениям. В более узком понятии практика понималась как деятельность, формирующая определенные нормы, обобщения и правила, которые были в дальнейшем обязательны [9].

Говоря о формирующих основах системы прецедентного права, в которые входят результаты судебной практики, можно увидеть в данном аспекте расхождение мнений исследователей. В своих трудах С. С. Алексеев указал на тот факт, что правовоположения как итоговая результативная часть судебной практики служит одной из ее форм, наряду с суждениями и подзаконными формами применения норм права. К своим комментариям автор дополняет мысль о том, что внешними формами выражения судебной практики являются как отдельные судебные акты, принятые по тому или иному делу, так и акты практики толкования норм высшими судебными органами [8, с. 91]. В трудах С. В. Бошно к пониманию результативной части деятельности судов высшей инстанции относятся и постановления Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, и письма высших

судебных инстанций по определенным делам, имеющим принципиальное значение, кроме того, еще и письма судей Высшего Арбитражного Суда с приложениями [10, с. 28].

Однако существуют менее развернутые представления в анализе судебной деятельности как практики нормотворчества. Н. А. Рогожин, занимающийся правовой деятельностью в сфере предпринимательской деятельности, к итоговой части судебной практики относил только акты высших судебных инстанций и не включал в данную сферу практику решения по конкретным делам [11, с. 7]. Между тем А. Б. Венгеров и С. Н. Братусь относили к основам судебной практики момент возникновения необходимости к толкованию норм права, чтобы правильно их применять. Такая точка зрения высказана ими в их статье, вошедшей в сборник судебной практики в советской правовой системе [12, с. 8]. В своей работе С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров не относят к судебной практике решения судов и определения надзорных и кассационных инстанций.

Итак, анализируя работы исследователей в области права, нельзя не обратить внимание на разнообразное толкование понятия судебной практики. Одни исследователи говорят о судебной практике как о деятельности судебной системы в целом и ее результатах. Другие относят к практике лишь результативную часть деятельности судов, которая приводит к образованию правовых основ по итогам толкования или конкретизации норм закона. Остальные исследователи подразумевают под судебной практикой только деятельность судов высшей инстанции [6, с. 141–189].

Несмотря на разнообразие элементов, характеризующих понятие судебной практики в широком или узком значении, бесспорным является тот факт, что авторитетность и значимость судебной практики исходят из ее убедительности, напрямую зависящей от авторитета инстанции, которая ее вырабатывает. Данное заключение сделано С. И. Вильнянским, размышляющим о прочности и силе правоположений, которые вырабатывают судебные инстанции, имея в виду авторитетность и иерархичность судов [13, с. 242].

Судебная практика не может являться источником права, особенно при правовых системах, входящих в число систем общего права. Но определенные вырабатываемые позиции в ходе судебной практики важно учитывать и попытаться определить, возможно ли в нашей правовой системе найти основания для закрепления этих позиций в качестве источников права, создающих прецедент. В большинстве случаев практики прецедента источниками права признаются решения высших судов. Следовательно, целесообразно проанализировать судебную практику высших инстанций судебной власти, рассматривая ряд актов Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

Наряду с анализом судебной практики высших судебных инстанций очень важно и необходимо обратить внимание на особенности правоприменительной практики в области прав человека, которые регламентируются Конвенцией о защите прав человека. В данном направлении российской судебной практике нужно осуществлять правотворчество исходя из актов Европейского суда по правам человека. В российскую систему судов не включен Европейский суд по правам человека, но Российская Федерация приняла решение о вступлении в Совет Европы. Данное обстоятельство означает, что с периода такого вступления, с 1996 г., к обязательным требованиям права в России стали относиться и положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., а также последующие нормативные требования к ней.

С учетом того, что Россия исходит из политики следования общепризнанным принципам и нормам международного права и международных договоров, Евро-

пейский суд стал частью правовой системы российского государства в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Вследствие данного факта все решения, принимаемые Европейским судом по делам о нарушении конвенциональных прав со стороны государства, которые принимаются в соответствии с заявлениями физических и юридических лиц, являются обязательными к исполнению, так как Российская Федерация наряду с многими государствами подчинила себя юрисдикции вышеуказанного независимого наднационального судебного органа [6, с. 141–189].

Из вышеизложенного следует, что судебная система РФ, к задачам которой относится и соблюдение прав и свобод личности, дополнена еще и международным судебным контролем. Значит, теперь деятельность судов в России и Европейского суда, направленная на разрешение претензий по поводу нарушений в области прав и свобод человека, стала тесно взаимосвязанной. Данная взаимосвязь подчинена единой основной задаче, на которую нацелено международное и государственное судопроизводство, — защите прав и основных свобод личности при соответствующем уровне охраны правопорядка.

Вместе с тем может возникнуть вопрос по поводу того факта, что правосудие в европейском судопроизводстве формирует основные положения конвенциональных требований в постепенном порядке и закрепляет права и свободы человека не только исходя из текста Конвенции, но и еще и из практики решений Суда. Следовательно, Европейский суд по правам человека действует на основе принципов прецедентного права и признает его. В этом случае уместен вопрос о том, не будет ли российская судебная практика противоречить прецедентной деятельности Европейского суда. Ввиду ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с которой все общепризнанные нормы и принципиальные позиции международно-правовых стандартов становятся неотъемлемой частью правовой системы нашей страны, можно однозначно утверждать следующее: все правовые позиции, которые определяются Европейским судом по правам человека, его толкования положений Конвенции и Протоколы к ней, а также сами прецеденты по правам человека, создаваемые судом, в отношении Российской Федерации носят обязательный характер [14].

Кроме того, вышеизложенное дает основание предполагать, что правовая судебная практика Европейского суда является в настоящее время составной частью российского права, и с юридической точки зрения сила правовых норм, зафиксированных в решениях Европейского суда по правам человека, соразмерна с силой норм нашей Конституции. Итак, прецедент в данной части является источником права в России.

Рассматривая судебную практику высших судебных органов, сначала проанализируем деятельность и акты Конституционного Суда РФ. В сравнении с другими судами в нашей стране Конституционный Суд РФ в соответствии с Конституцией России и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1991 г. [15] занимает определенное положение и имеет отличия. Если исходить из позиций характеристик функциональной направленности Конституционного Суда РФ, то очевиден тот факт, что в основе деятельности этого органа судебной власти находится процесс конституционного судопроизводства, а значит, в соответствии с порядком организации деятельности государственной власти в Российской Федерации и правовым регламентом самой направленности Конституционного Суда, его деятельность является преобладающей [16, с. 24]. Природа принимаемых актов по позициям соблюдения конституционности в нашей стране вызывает споры у юристов. Одни из них считают данные акты источниками права, другие — нет [6, с. 141–189].

Но и среди приверженцев утверждения о том, что судебная практика Конституционного Суда РФ предвещает практику создания источников права, мнения разделяются. Часть исследователей считают акты Конституционного Суда РФ прецедентом, другие относят данные акты всего лишь к природе нормативных актов [17, с. 124–125].

Чтобы разобраться в этом вопросе по существу, необходимо рассмотреть характерные признаки прецедента как источника права. Во-первых, в прецеденте все решения по конкретным делам должны в дальнейшем быть пригодны для рассмотрения дел идентичной направленности. Во-вторых, чтобы такой принцип продолжил свое существование, он должен быть признан государством, что может выражаться в последующей практике применения норм, отнесенных к источникам права. Наконец, для прецедента значим и принцип общей доступности. Кроме того, очень важно понимать разницу между понятиями обязательности принятого решения (резольютивной частью) и принципом обязательности, который заложен в принятое решение.

Посредством анализа данных позиций в актах Конституционного Суда РФ нами установлено, что их правовая природа отличается. Если говорить об обязательности принимаемых Конституционным Судом РФ решений (резольютивной части), которая регламентируется ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», то она не будет являться основанием того, чтобы признавать данные решения прецедентами. Такая особенность регламентируется особым статусом Конституционного Суда РФ в общей системе органов государственной власти.

Исходя из особой статусной позиции Конституционного Суда РФ, важно обратить внимание на отличительные особенности решений, которые принимаются данным судом по делам о несоответствии требованиям Конституции тех или иных правовых норм. Все эти решения по своей природе гораздо ближе к нормативным актам, поскольку чаще всего Конституционный Суд РФ не рассматривает дело, по поводу которого принят акт, выносимый в дальнейшем на рассмотрение Конституционного Суда РФ для определения его соответствия требованиям Конституции. Однако в своей практике Конституционный Суд РФ осуществляет процесс рассмотрения сути вопроса, который ставится перед судом, не выходя за его рамки.

Следует обратить внимание на так называемый признак верховенства над законом решений Конституционного Суда РФ, который резко расходится с системой прецедента. Прецедентное право не предусматривает возможности отмены закона, хотя закон обладает такой возможностью для отмены прецедента. В случае с решениями Конституционного Суда РФ ситуация выглядит иначе. Если Конституционный Суд РФ в процессе заседания признает ту или иную норму не соответствующей Конституции, то своим решением он с юридической точки зрения признает ее недействительной и необязательной к исполнению, и иные новые принятые правовые положения и нормы не способны будут такое решение отменить. Следовательно, все решения Конституционного Суда обладают с юридической точки зрения более высоким статусом, нежели нормы закона.

Для прецедентной правовой системы в основах заложен подзаконный характер источников права, что можно наблюдать в системе права стран, которые опираются на прецедент как источник права (в США, Великобритании) [6, с. 141–189]. Кроме того, характерная особенность прецедента связана с приемлемостью принятой нормы по определенному делу для других судов того же уровня или нижестоящих по схожим делам. С этих позиций решения Конституционного Суда не приемлемы. Все решения о признании нормы закона соответствующей

или несоответствующей положениям Конституции РФ, которые принимаются Конституционным Судом, по статусной природе не могут приниматься другими судами по аналогичным делам [18].

Итак, акты Конституционного Суда РФ не могут являться прецедентом ввиду того, что при принятии таких решений отсутствует иерархия судов, которые могут принимать аналогичные решения, а это один из признаков прецедента. Очевидна нормативная суть решений Конституционного Суда РФ, и их нельзя отнести к основам прецедентного права. Допускаем возможность лишь вести речь о решениях по спорам о компетенции. Однако акты такого порядка очень редки, и говорить об их отношении к системе прецедента сложно.

Анализируя судебную практику Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, необходимо сразу отметить, что полемика о правовой природе актов данных судебных инстанций, в частности относительно постановлений Пленумов Верховного Суда РФ, для российской науки — явление традиционной направленности. Упомянув об анализе судебной практики Высшего Арбитражного Суда РФ, не имеющего полномочий в настоящее время в связи с его упразднением, подчеркнем, что правовая практика до сих пор позволяет ссылаться на решения данного суда. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и Прокуратуре Российской Федерации» с 6 августа 2014 г. Высший Арбитражный Суд РФ упразднен, а все его юрисдикционные полномочия переданы в ведение Верховного Суда РФ, с приданием ему статуса единоличного высшего судебного органа. Сегодня полномочия для решения споров в сфере экономических отношений переданы Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ (так называемой второй кассации). Кроме того, Федеральный конституционный закон закрепляет в настоящем обязанность Верховного Суда РФ осуществлять надзор за деятельностью судов и давать разъяснения по вопросам судебной практики. При этом Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» установлено, что юридические значения постановлений Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ сохраняют силу, а судьи Верховного Суда РФ смогут ссылаться на них в своих решениях.

Анализируя судебную практику Верховного Суда РФ и его решения, охарактеризуем признаки прецедента и сравним их с актами вышеуказанной инстанции. Исходя из особенностей правовой природы постановлений высших судебных инстанций, в частности Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, которые в своих исследованиях анализируют правове­ды, нельзя не заметить, что к данным актам применяется понятие «правоположения». Такое понятие исследователями воспринимается в качестве общего положения, которое сложилось в процессе судебной практики и неоднократно применялось судами по схожим делам [19, с. 10].

В своих комментариях С. С. Алексеев определяет правоположения как «объективированные сгустки правосознания», называя их специфическим явлением права, которое находится на границе норм права и правосознания [8, с. 94]. В исследованиях других ученых в области права существуют иные толкования. О правоположениях как об обычае высказался В. И. Леушин [20, с. 13], а В. П. Ретов называл их прообразами норм [21, с. 10]. В. В. Лазарев писал о правоположениях как о «поднормативных средствах правового воздействия на отношения в обществе» [22, с. 7]. С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров в своих работах ведут речь об отсутствии санкций в правоположениях, что, по их мнению, является основанием не считать их нормами права [23, с. 25–26]. Но, исходя из положений те-

ории государства и права, можно заключить, что в правовой системе существуют нормы, которые не имеют санкций, однако находят свою реализацию и успешно функционируют [24].

Из содержания теории права следует, что нормы, закрепленные в постановлениях Пленумов, становится возможным отнести к нормам права. Нельзя не согласиться с мнениями, которые однозначно включают разъяснительную практику Пленумов в сферу профессиональной деятельности одних лишь судей и лиц, связанных с судебными органами [25, с. 53]. Несмотря на то, что Верховный Суд РФ порой выносит постановления об определенных нормативно-процессуальных основах, данный факт не означает, что такие разъяснения приемлемы только для судей и не нужны тем, кто не связан с судами. В данной ситуации пришлось бы утверждать, что большое количество положений Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», положения Гражданского процессуального кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ, иных нормативных актов имеют отношение лишь к работникам суда.

Сравнивая деятельность высших инстанций судебной власти с признаком признания со стороны государства, как необходимого элемента прецедента, становится очевидным, что такое признание со стороны государства присутствует в виде закреплений в статьях кодексов (ч. 4 ст. 170 АПК РФ). Кроме того, все решения Пленумов ввиду своего авторитета характеризуются высокой степенью признанности и исполнительности со стороны судов и других инстанций [26, с. 49]. Наличие же признака общеизвестности не отрицается, постановления подлежат опубликованию. Таким образом, можно констатировать, что постановления Пленумов Верховного Суда РФ являются источником права. Однако по своей сути они представляют собой подзаконные нормативные акты, но не относятся к прецедентам.

Характеризуя решения высших судов по конкретным делам, многие авторы признают, что нижестоящие суды всегда учитывали опубликованную практику высших судов в качестве ориентира в вопросах правоприменения и толкования права, устранения пробелов и применения закона или права по аналогии [27]. Вместе с тем уникальность российской системы права заключается в том, что судебная практика, постановления Пленумов Верховного Суда РФ не могут толковаться судами буквально и порой позволяют допускать своеобразную интерпретацию. Иногда подобная правоприменительная практика способна вызывать недоверие к суду в обществе.

Законы в некоторых случаях имеют различную степень разночтений при толковании. Поэтому система прецедента могла способствовать, на наш взгляд, процессу четкого закрепления принятых законов посредством судебной практики, которая в настоящее время не может относиться к системе прецедентного права. Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и акты Конституционного Суда РФ необходимо переводить в разряд источников самостоятельного права, которое можно использовать как прецедентное. Такая правовая политика позволит в дальнейшем закреплять акты высших судебных инстанций в форме норм права, а значит, избегать неправильного их толкования.

Подводя итоги анализа судебной практики и мнений о наличии в российской системе права основ прецедента, справедливо сделать вывод о том, что к источникам права прецедентной направленности возможно отнести лишь решения Европейского суда по правам человека. Анализ практики других высших судебных органов власти не дает оснований говорить о системе прецедента, хотя это вполне объяснимо с точки зрения правовой системы, су-

ществующей в России. В современном обществе ведутся дискуссии об участии судебной власти в правотворческом процессе. Данный процесс необходимо увязать с требованиями Конституции РФ. Для осуществления правотворчества Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ должны обладать правом законодательной инициативы и иметь полномочия по внесению в Государственную Думу РФ проектов законов, которые касаются предмета их ведения. Такое направление может осуществляться, на наш взгляд, посредством оформления выводов о недостатках законодательства с преобразованием последнего в форму законопроектов для передачи на рассмотрение в Государственную Думу РФ. Полагаем, законодателю следует учитывать и такую возможность закрепления правовой практики.

Литература

1. *Гримм Д. Д.* К вопросу о понятии и источнике обязательности юридических норм // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 6. С. 154–155.
2. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб.: магазин Н. К. Мартынова, 1909. 354 с.
3. *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. Часть общая. Т. 1. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 780 с.
4. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1914. 480 с.
5. *Butler W. E.* The role of case-law in the Russian legal system // Judicial records, law reports, and the growth of case law / ed. by J. H. Baker. Berlin: Duncker & Humblot, 1989. 352 p.
6. *Лозовская С. В.* Правовой прецедент: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 241 с.
7. *Орловский П.* Значение судебной практики в развитии советского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9; *Исаев М. М.* Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник уголовного права // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР. 1947. Вып. V. С. 75–88; *Безина А. К.* Судебная практика и развитие советского трудового права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1971. 131 с.; *Соболев С. А.* Судебная практика как источник трудового права // Вестник Удмуртского университета. 1996. № 1. С. 39–46; *Головина С. Ю.* Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 178 с.
8. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права: курс лекций. В 2 т. Т. 2. Свердловск, 1973. 401 с.
9. *Туманов В. А.* Роль судебной практики в развитии советского права // СССР-Франция: социологический и международно-правовой аспекты сравнительного правоведения: сб. ст. М.: Ин-т государства и права АН СССР, 1987. С. 35–43; *Ткешелидзе Г. Т.* Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси: Мецниереба, 1975. 175 с.
10. *Бошно С. В.* Судебная практика: способы выражения // Государство и право. 2003. № 3. С. 19–29.
11. *Рогожин Н. А.* Судебная практика как источник правового регулирования предпринимательской деятельности // Юрист. 2003. № 10. С. 6–10.
12. Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь. М.: Юрид. лит. 328 с.
13. *Вильнянский С. И.* Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР. Вып. 9. 1947. С. 239–290.
14. Решение по вопросу приемлемости жалобы № 67578/01 «Николай Дмитриевич Рошка против Российской Федерации» // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 120; Решение по вопросу приемлемости жалобы № 31697/03 «Леван Валерьевич Бердзенишвили против Российской Федерации» // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 129.

15. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
16. *Эбзеев Б. С.* Конституционный Суд Российской Федерации: становление, юридическая природа, правовые позиции // Комментарий к постановлениям Конституционного Суда в Российской Федерации. Т. 1. М.: Юрист, 2000. С. 24–25.
17. *Лучин В. О., Доронина О. Н.* Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. М.: Закон и право; ЮНИТИ, 1998. 258 с.
18. *Сокерин К.* Прецедент в России [Электронный ресурс] // ЮрКлуб. URL: <http://vurclub.ru/docs/theory/article5.html> (дата обращения: 20.08.2020).
19. *Венгеров А. Б.* Роль судебной практики в развитии советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 18 с.
20. *Леушин В. И.* Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 22 с.
21. *Реутов В. П.* Юридическая практика и развитие законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. 21 с.
22. *Лазарев В. В.* Правоположение: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 1976. № 6. С. 7–15.
23. *Братусь С. Н., Венгеров А. Б.* Понятие и содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. М.: Юрид. лит., 1975. С. 8–74.
24. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2001. 755 с.; Проблемы общей теории права и государства: учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, ИНФРА-М, 2010. 815 с.
25. *Загайнова С. К.* Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М.: Норма, 2002. 176 с.
26. *Лившиц Р. З.* Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 49–57.
27. *Жуйков В. М.* Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М.: Городец, 1997. 320 с.; *Иванов С. А.* Судебные постановления как источник трудового права // Судебная практика как источник права. М.: Ин-т государства и права РАН, 1997. С. 24–33; *Зеленин С.* Пределы допустимой защиты // Российская юстиция. 1998. № 12. С. 43–45.

Контактные данные:

Левин В. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-10; e-mail: zxy.2014@mail.ru.

Contact Details:

Levin V. V.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 451-19-10; e-mail: zxy.2014@mail.ru.